

В диссертационный совет
Д 170.001.02, созданный на базе
федерального государственного
казенного образовательного
учреждения высшего образования
«Университет прокуратуры
Российской Федерации»

117638, г. Москва, ул. Азовская,
д. 2, корп. 1

О Т З Ы В

официального оппонента по диссертации Цепелева Константина Валерьевича на тему: «Заведомо ложный донос и заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Лжесвидетельство и заведомо ложный донос относятся к числу наиболее распространенных преступлений против правосудия. Уголовная ответственность за их совершение установлена в законодательстве большинства зарубежных стран. В русском уголовном праве аналогичные установления встречаются уже в средние века. Им посвящено много теоретических работ, в том числе у таких классиков уголовно-правовой науки, как А.Н. Неклюдов. Зная человеческую природу, можно с полной уверенностью сказать, что эти преступления никогда не исчезнут, а значит, не стоит рассчитывать на окончательное решение связанных с ними правовых проблем в рамках не только одной диссертации, но даже и отдаленной исторической перспективы.

Несмотря на давнюю историю криминализации и богатые традиции правоприменения, лжесвидетельство и заведомо ложный донос по-прежнему остаются «камнем преткновения», причем не только в теории уголовного права, но и судебно-следственной практике. Общественные отношения усложняются, цифровые и материальные технологии усовершенствуются с возрастающей скоростью. Объем информации в мире удваивается каждые два года. За пять предыдущих лет человечеством было произведено больше информации, чем за всю предшествующую историю его существования. На интеграцию всех наук сегодня претендует датаизм – теория, объясняющая вселенную как единый процессор по обработке данных. Вместе с лавинообразным ростом объема информации растет объем лжи и дезинформации, частными проявлениями которых являются

лжесвидетельство и заведомо ложный донос, а их способы постоянно усовершенствуются и становятся более изощренными.

Так, несмотря на высокий уровень регистрируемых фактов лжесвидетельства, степень его латентности, согласно экспертным оценкам, весьма высока. Заместитель председателя Московского городского суда Д.А. Фомин считает, что «в каждом суде страны, а не только Москвы, почти ежедневно совершаются действия, подпадающие под признаки состава ст. 307 УК РФ. Если один свидетель по делу говорит, что видел, как подсудимый совершал преступление, а другой говорит, что подсудимый этого не делал, значит, кто-то из них лжет. Причины такого положения дел – сравнительно мягкая ответственность за дачу ложных показаний, безответственное и легкомысленное отношение в обществе к такому явлению, как ложь под присягой, и сложность доказывания этого преступления» (См.: «К концу года системы видеозаписи судебных заседаний будут работать в 200 залах судов Москвы»: интервью Д.А. Фомина // Уголовный процесс. 2016. № 5. С. 23).

Таким образом, выбранная автором тема диссертации по-прежнему не теряет своей актуальности, теоретической и практической значимости, остается востребованной у правоприменителей.

Целью исследования автор обозначил, во-первых, выявление и теоретическое обоснование решения проблем правоприменения ст. 306 и 307 УК РФ; во-вторых, разработку на данной основе рекомендаций по квалификации рассматриваемых преступлений и их отграничению от смежных посягательств, по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения в названной сфере.

Для достижения указанной цели он поставил и успешно решил следующие задачи:

проанализировать социальную обусловленность установления уголовно-правовых запретов на совершение заведомо ложного доноса и лжесвидетельства;

изучить историю развития законодательства об уголовной ответственности за заведомо ложный донос и лжесвидетельство;

исследовать зарубежный опыт регламентации ответственности за заведомо ложный донос и лжесвидетельство;

определить место заведомо ложного доноса и лжесвидетельства в системе преступлений против правосудия;

дать уголовно-правовую характеристику заведомо ложного доноса и лжесвидетельства;

проанализировать проблемы квалификации и законодательной регламентации заведомо ложного доноса и лжесвидетельства;

на основе изучения выявленных проблемных ситуаций выработать рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения в названной сфере.

Структура диссертации носит продуманный и логичный характер, соответствует сформулированным научным задачам и обеспечивает максимальную полноту раскрытия выбранной темы. Она состоит из

введения, трех глав, включающих девять параграфов, заключения, библиографического списка и приложений.

Во введении раскрывается актуальность темы диссертационного исследования, определяются его объект, предмет, цель и задачи, характеризуются методологическая, нормативная, теоретическая и эмпирическая основы исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту, обосновывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, приводятся данные об апробации полученных результатов.

Первая глава диссертации «Социально-правовые предпосылки, исторический и зарубежный опыт установления уголовной ответственности за заведомо ложный донос и лжесвидетельство» включает в себя три параграфа.

В параграфе 1 главы первой – «Социальная обусловленность установления уголовно-правовых запретов на совершение заведомо ложного доноса и лжесвидетельства» исследуются вопросы социальной обусловленности установления уголовно-правовых запретов на совершение заведомо ложного доноса и лжесвидетельства, сравниваются терминологические подходы отраслевого законодательства (уголовно-процессуального, гражданского процессуального и др.) к доказательствам. Применительно к теме диссертационного исследования обосновывается соответствие уголовно-правовых запретов, предусмотренных ст. 306 и 307 УК РФ, принципам криминализации, а также нецелесообразность и неэффективность регламентации соответствующих деяний средствами других отраслей права, кроме уголовного. Кроме того, автором исследуются криминологические особенности заведомо ложного доноса и лжесвидетельства, по результатам чего предлагается усредненный «портрет» лица, совершающего рассматриваемые преступления.

В параграфе 2 главы первой – «История развития законодательства об уголовной ответственности за заведомо ложный донос и лжесвидетельство» – рассматриваются вопросы привлечения к уголовной ответственности за заведомо ложный донос и лжесвидетельство в историко-правовой ретроспективе, начиная от Русской Правды и завершая советским уголовным законодательством. По результатам изучения исторического опыта делается вывод о необходимости его использования для совершенствования законодательной регламентации ответственности за рассматриваемые посягательства, прежде всего, в части дальнейшей дифференциации уголовной ответственности.

В параграфе 3 главы первой – «Зарубежный опыт регламентации ответственности за заведомо ложный донос и лжесвидетельство» – с использованием сравнительно-правового метода приводится опыт законодательной регламентации исследуемых деяний в зарубежных странах. По итогам анализа зарубежного законодательства диссертант приходит к выводу о том, что при формулировании составов заведомо ложного доноса

и лжесвидетельства одинаково опасны как излишняя казуистичность, так и чрезмерная лаконичность изложения диспозиций уголовно-правовых норм.

Вторая глава диссертации «Уголовно-правовая характеристика заведомо ложного доноса и лжесвидетельства» включает в себя три параграфа.

В параграфе 1 главы второй – «Заведомо ложный донос и лжесвидетельство в системе преступлений против правосудия» критически переосмысливаются подходы к классификации преступлений против правосудия, сложившиеся в науке уголовного права, отмечаются их достоинства и недостатки, указывается на возможность использования проанализированных подходов комплексно, в системном единстве, определяется место заведомо ложного доноса и лжесвидетельства в системе преступлений против правосудия и делается вывод о том, что неверно относить исследуемые посягательства к различным классификационным группам, основываясь только на признаке объекта посягательства, поскольку в их природе больше сходства, чем различия.

В параграфе 2 главы второй – «Уголовно-правовая характеристика заведомо ложного доноса» – анализируются признаки состава преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ.

В параграфе 3 главы второй – «Уголовно-правовая характеристика лжесвидетельства» – исследуются признаки состава преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ.

Третья глава диссертации «Проблемы квалификации и законодательной регламентации заведомо ложного доноса и лжесвидетельства» включает в себя три параграфа.

В параграфе 1 главы третьей – «Квалификация и отграничение заведомо ложного доноса от смежных преступлений» – проводится отграничение деяния, предусмотренного ст. 306 УК РФ, от смежных преступлений, приходит к выводу, что основными критериями отграничения заведомо ложного доноса от смежных составов преступлений выступают признаки объекта преступления, объективной стороны (прежде всего, деяния), субъективной стороны (в первую очередь, цели преступления) и субъекта преступления. Кроме того, рассматриваются аспекты, связанные с квалификацией заведомо ложного доноса как единичного преступления и множественности преступных деяний, соучастием и другими проблемами, которые не получили должного внимания в специальной литературе.

В параграфе 2 главы третьей – «Квалификация и отграничение лжесвидетельства от смежных преступлений» – производится разграничение преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, и смежных преступлений, делается вывод, что основными критериями отграничения лжесвидетельства от смежных составов преступлений являются признаки объекта преступления, объективной стороны (в первую очередь, деяния), субъекта преступления и, в меньшей степени, субъективной стороны. Помимо этого, применительно к лжесвидетельству автором исследуются вопросы о квалификации названного посягательства как единичного преступления и как

множественности преступных деяний, соучастием и другими проблемами, которые не получили должного внимания в специальной литературе.

В параграфе 3 главы третьей – «Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за заведомо ложный донос и лжесвидетельство и пути их решения» – отмечается, что уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 306 и 307 УК РФ, нуждаются в совершенствовании, направленном на дифференциацию ответственности за заведомо ложный донос в отношении конкретного лица.

В заключении диссертации подводятся итоги проведенного исследования, формулируются его основные положения и выводы, обобщение которых позволило предложить новые редакции ст. 306 и 307 УК РФ.

Приложения содержат предлагаемые *de lege ferenda* новые редакции ст. 306 и 307 УК РФ, а также анкету экспертного опроса прокурорских работников по вопросам применения содержащихся в них правовых норм.

Научная новизна исследования состоит в том, что оно посвящено теории и практике применения норм об уголовной ответственности за лжесвидетельство и заведомо ложный донос в условиях действия нового уголовного-процессуального законодательства и новых принципов уголовного судопроизводства, в первую очередь усиления состязательных его начал. К таким проблемам, в частности, относится вопрос о праве обвиняемого на оговор другого лица в целях самозащиты. Эта и многие другие актуальные проблемы решаются автором с присущей ему глубиной и обстоятельностью.

Основные положения, выносимые на защиту, включая и предложения по усовершенствованию уголовного законодательства, в целом логичны, обоснованы результатами исследования и заслуживают поддержки.

Обоснованность полученных выводов достигнута за счет использования валидной научной методологии и опоры на богатый эмпирический материал.

Особо следует отметить использование автором сравнительно-правового и исторического методов. Он приводит и оригинально систематизирует уголовное законодательство большого круга зарубежных стран, а эволюцию отечественного законодательства по предмету исследования последовательно прослеживает, начиная с Русской Правды.

В качестве эмпирического материала автор привлекает данные уголовной статистики, а также материалы 107 уголовных дел, многие из которых уместно использует в тексте исследования для подтверждения своих выводов. В частности, несомненную научную ценность представляет выявленный им по результатам изучения уголовных дел круг мотивов, по которым совершаются заведомо ложный донос (с. 104–105) и лжесвидетельство (с. 149–150).

Диссертация написана хорошим языком, автор не отстает от научного стиля изложения.

Автореферат отражает основное содержание и выводы диссертации.

Основные результаты исследования опубликованы автором в авторитетных научных изданиях, апробированы на ведущих юридических площадках страны в ходе крупных научных форумов.

Несмотря на общую положительную оценку диссертации К.В. Цепелева, отмечая глубину его юридического анализа, добротную и основательную проработку им теоретического и эмпирического материала, следует, тем не менее, обратить внимание на отдельные моменты, которые представляются не в полной мере проработанными либо спорными, требующими уточнения или дополнительной аргументации:

1. Решение проблемы дезинформации, частными проявлениями которой являются лжесвидетельство и заведомо ложный донос, в рамках одной только классической доктрины уголовного права не может быть полным. В толковании таких смежных правовых феноменов познавательные технологии не должны ограничиваться правовой догматикой, а включать в себя новейшие достижения науки XXI века, в том числе из области социальной психологии, культурологии, когнитивистики, теории информации и теории коммуникации. Представленная на защиту работа выполнена в добротной классической старомодной манере. С точки зрения методологии в ней преобладает догматический (в хорошем смысле этого слова) подход. Основные проблемы ставятся и решаются в диссертации в сугубо правовом и потому абсолютно герметичном дискурсе. В этом смысле она, хотя и вписывается в отечественные исследовательские традиции в области юриспруденции, изначально отстает от основного течения в мировой науке.

2. Автор приводит статистические данные о количестве зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 306 и 307 УК РФ, и сведения о судимости по ним за период с 2011 по 2016 гг. Сопоставляя эти данные, он выявляет числовые колебания, не соответствующие тренду по всей группе преступлений против правосудия либо несоответствия между данными о количестве зарегистрированных преступлений и числе осужденных (с. 25–27). Вместе с тем, он не комментирует полученные значения, не выдвигает и, соответственно, не проверяет научных гипотез, направленных на объяснение выявленных особенностей. Поэтому остается неясным, указывает ли это на уровень латентности рассматриваемых преступлений, или обусловлено особенностями их расследования, изменениями в процессуальном законодательстве, либо какими-то другими причинами.

3. Анализируя культурологические корни криминализации лжесвидетельства, автор ограничивается цитатами из трех Евангелий, в которых осуждается греховность этого явления. На этой основе он делает вывод о том, что религия однозначно осуждает лжесвидетельство (с.121). Вместе с тем, для такого широкого обобщения требуется обращение к постулатам не только христианства, но и других религий.

Христианское отрицание лжи своими корнями уходит в иудаизм. Так, девятая заповедь, данная через пророка Моисея, гласит: «Не произноси

ложного свидетельства на ближнего своего» (Исх. 20:16). Однако в исламе оценка лжесвидетельства далеко не столь однозначна. С одной стороны, мусульманство осуждает ложь: «И не облакайте истину ложью, чтобы скрыть истину, в то время как вы знаете!» (Коран 2:42; пер. И.Ю. Крачковского). С другой стороны, оно содержит положения, в которых проявляется достаточно лояльное отношение к нарушению клятвы: «Аллах не взыскивает с вас за пустословие в ваших клятвах, но взыскивает за то, что приобрели ваши сердца. Поистине, Аллах – прощающий, кроткий!»; «Тем, которые поклянутся о своих женах, – выжидание четырех месяцев. И если они возвратятся..., то, поистине, Аллах прощающ, милосерд!» (Коран 2:225–226; пер. И.Ю. Крачковского).

В мусульманской доктрине существуют понятия *такия* и *китман* (благоразумное скрывание своей веры), которые допускают ложь в отношении тех, кто не исповедует ислама. Несмотря на то, что эти понятия признаются далеко не во всех направлениях ислама, они, тем не менее, должны учитываться при анализе криминогенности различных социальных групп и оценке показаний, которые дают носители разных цивилизационных традиций.

4. Представляется ошибочной точка зрения автора, в соответствии с которой все обладающие свидетельским иммунитетом лица не могут относиться к субъектам лжесвидетельства. В части третьей ст. 56 УПК РФ указаны лица, которые не подлежат допросу в качестве свидетелей. В отношении ряда лиц (адвоката, защитника) закон содержит оговорку о том, что они могут быть допрошены по их собственному ходатайству с согласия доверителя. Кроме того, супруги и близкие родственники подозреваемого и обвиняемого также обладают свидетельским иммунитетом и в соответствии со ст. 51 Конституции Российской Федерации праве отказаться от дачи показаний. Однако в том случае, если все эти лица все-таки согласились дать показания, они в этом случае обязаны давать только правдивые показания, ибо закон предоставляет им только одно право – отказаться от дачи показаний, но отнюдь не право давать ложные показания. В последнем случае они точно также становятся субъектами лжесвидетельства.

Приведенные замечания преимущественно являются дискуссионными и в основном не снижают научной ценности, теоретической и практической значимости представленного исследования. Они вызваны в первую очередь сложностью поставленной перед диссертантом цели исследования детально проработанной в науке темы. Это требует большей глубины, оригинальности и научной смелости, чем работа над новыми, мало исследованными темами. В диссертации К.В. Цепелева успешно решена задача изучения теории и практики применения норм об уголовной ответственности за лжесвидетельство и заведомо ложный донос в условиях действия нового уголовного-процессуального законодательства и новых принципов уголовного судопроизводства, в первую очередь усиления состязательных его начал.

В целом диссертация «Заведомо ложный донос и заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации» отвечает требованиям Положения о порядке присуждения ученых степеней, а её автор Цепелев Константин Валерьевич заслуживает присуждения искомой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Официальный оппонент –
заведующий кафедрой управления
следственными органами и организации
правоохранительной деятельности
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации

кандидат юридических наук (12.00.08)

Ю.А. Цветков

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», 125080, г. Москва, ул. Врубеля, 12; тел.: 8(499) 750-10-58; e-mail: akskrf@yandex.ru